

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ |
METHODOLOGICAL PROBLEMS OF LEGAL PSYCHOLOGY

Теоретико-прикладные аспекты категориально- понятийного аппарата юридической психологии

Балин В.Д.

Санкт-Петербургский государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3876-9854>, e-mail: viktorbalin@yandex.ru

Ильина В.А.

Университет прокуратуры Российской Федерации (ФГКОУ ВО УП РФ), г. Иркутск, Российская Федерация
ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6492-3678>, e-mail: avapeter@mail.ru

В статье отражены результаты исследования теоретико-прикладных аспектов категориально-понятийного аппарата юридической психологии с критической точки зрения. Сделаны выводы об особом положении юридической психологии как прикладной дисциплины в системе правовых наук, в связи с которым приоритетная роль в решении ее задач отводится правовым понятиям, по своей сущности являющимся самостоятельными и конвенциональными. Конвенциональный характер правовых понятий, построенный на соглашении между юристами в понимании тех или иных терминов, сводится к тому, что по своему содержанию они в ряде случаев не совпадают с содержанием общепсихологических категорий и понятий. Они либо шире, либо уже психологических понятий по своему объему. В связи с этим влияние психологических понятий на правовые, выраженное в отражении психологических закономерностей и механизмов правовых явлений, становится трудоемким и долгим процессом, поскольку правовые понятия не ставят цель отражения истинного устройства мира. Перечисленные в данном исследовании особенности категориально-понятийного аппарата юридической психологии позволяют более точно определять направления научных исследований, правильно понимать запросы юридической практики и прогнозировать отдаленные последствия результатов научной деятельности.

Ключевые слова: категории, понятия, методология юридической психологии, юридическое мышление, конвенциональность.

Для цитаты: Балин В.Д., Ильина В.А. Теоретико-прикладные аспекты категориально-понятийного аппарата юридической психологии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 70–81. DOI:10.17759/psylaw.2023130206

Theoretical and Applied Aspects of the Categorical and Conceptual Apparatus of Legal Psychology

Victor D. Balin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3876-9854>, e-mail: viktorbalin@yandex.ru

Valentina A. Ilyina

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia

ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6492-3678>, e-mail: avapeter@mail.ru

The article reflects the results of a study of theoretical and applied aspects of the categorical and conceptual apparatus of legal psychology from a critical point of view. Conclusions are drawn about the special position of legal psychology as an applied discipline in relation to the legal sciences, in connection with which the priority role in solving its problems is given to legal concepts, which in their essence are self-sufficient and conventional. The conventional nature of legal concepts, built on an agreement between lawyers in the understanding of certain terms, comes down to the fact that in their content they in some cases do not coincide with the content of general psychological categories and concepts. In terms of scope, they are either narrower or wider than psychological concepts. In this regard, the significant reverse influence of psychological concepts on legal ones, expressed in the reflection of psychological patterns and mechanisms of psychological and legal phenomena, becomes a laborious and long process, since legal concepts do not aim to reflect the true structure of the world. The features of the categorical-conceptual apparatus of legal psychology listed in this study make it possible to more accurately determine the direction of scientific research, correctly understand the needs of legal practice and predict the long-term consequences of the results of one's scientific activity.

Keywords: categories, concepts, methodology of legal psychology, legal thinking, conventionality.

For citation: Balin V.D., Ilyina V.A. Theoretical and Applied Aspects of the Categorical and Conceptual Apparatus of Legal Psychology. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 70–81. DOI:10.17759/psylaw.2023130206 (In Russ.).

Теоретики отечественной психологии А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский справедливо замечали, что «... невозможно продвинуться в дебри непознанного, не опираясь на категориальный аппарат науки. Всякий предмет науки дан в системе ее категорий» [16, с. 123]. Методологическая рефлексия категорий науки в свете ее интегративных процессов и всераширяющейся предметной области знаний представляет собой особую актуальность. Юридическая психология не является в этом смысле исключением, особенно в связи с действием паспорта новой специальности 5.3.9. «Юридическая психология и психология безопасности».

Как всякий межотраслевой понятийный аппарат, категориально-понятийный аппарат юридической психологии имеет свои особенности, обусловленные связями неоднородных наук. В юридической психологии — это состав категорий и понятий, заимствованных не только из «материнской» науки — психологии, но и наук правового цикла.

В более ранних работах нами указывалось, что основной особенностью знаний юридической психологии является то, что они образуются в результате синтеза правовых и психологических знаний, взаимодействие которых выделяется в самостоятельную проблему [8, с. 128]. Данная проблема носит не только теоретический, но и прикладной характер и сводится, в первую очередь, к определению вектора научных исследований, правильному пониманию запросов юридической практики и видению отдаленных последствий результатов научной деятельности.

Целью настоящего теоретического исследования является обобщение современных взглядов на теоретико-прикладной характер категориально-понятийного аппарата юридической психологии как системы динамично развивающихся терминов, слов и понятий, задающих деятельностный план развития юридической психологии.

Исходя из наиболее общих характеристик, можно сказать, что категориально-понятийный аппарат юридической психологии представляет собой систему понятий, воспроизводящих разные стороны изучаемого юридической психологией объекта — психической деятельности людей в сфере отношений, регулируемых правом. С одной стороны, в него включены категории и понятия общей психологии, на фундаменте которой базируется теоретическая основа юридической психологии. С другой стороны, он вбирает в себя правовые понятия и категории, психологическая сущность которых раскрывается юридической психологией, обеспечивая этим самым «юридическую материю» (*corpus juris*) [1, с. 193].

Взаимодействие правовых и психологических понятий представляет сложное и неоднозначное явление в науке. По мнению В. Н. Кудрявцева: «Психологические категории следует использовать в праве в том смысле и значении, которые приняты в самой психологии» [12, с. 11]. «Юридическая наука не ограничивается только сугубо юридическими знаниями (догмой права), а по необходимости использует знания других отраслей науки и эмпирические знания (практическую деятельность человека), которые выступают ее внешними основаниями», — отмечает В.Ф. Попондопуло [17, с. 71].

Вместе с тем В.Н. Кудрявцев замечает, что «...мы должны опираться на те представления, которые складываются в сфере психологической науки, разумеется, используя их с учетом специфики предмета юридических наук» [12, с. 11]. Специфика предмета юридических наук определяется изучением «...закономерностей возникновения и развития правовых явлений и процессов и последующего их учета в практической деятельности: нормотворческой деятельности, правоприменительной деятельности, дальнейших научных исследований» [17, с. 70]. Таким образом, прикладное (практическое) использование знаний юридической психологии имеет основополагающее значение.

Прикладное значение категориально-понятийного взаимодействия психологии и права можно увидеть в различных направлениях анализа правовых понятий. Особый интерес вызывают вновь введенные законодателем понятия, требующие психологического толкования и комментария. Например, одним из таких понятий, имеющих прикладное значение, является «свобода оценки доказательств» (ст. 17 УПК РФ), которое после 2001 г. дополнилось новым элементом — «совесть». Согласно ст. 17 УПК РФ «...судья, присяжные заседатели, а также прокурор, следователь, дознаватель оценивают доказательства по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, руководствуясь при этом законом и совестью». Вопрос, который возникает из практических соображений, сводится к тому, какими критериями следует руководствоваться принимающему решение юристу (судье, прокурору, следователю и др.). Может ли к совести сводиться, на-

пример, жалость к обвиняемому в убийстве — отцу пятерых детей и стать важнее жалости к такой же многодетной семье, потерявшей кормильца?

В юридических словарях мы не находим определения понятия «совесть». Но словарь отсылает нас к такому понятию, как «свобода мысли и совести», означающему «...в конституционном праве одну из личных свобод человека, прежде всего свободу индивидуума от любого идеологического контроля, право каждого самостоятельно выбирать для себя систему духовных ценностей» [3, с. 558]. Из этого следует, что совесть человека (как и его мысли) свободны (независимы) от чего-либо или кого-либо. Каждый вправе сам выбирать, что для него значит «поступить по совести». В других (не юридических) словарях понятие «совесть» раскрывается приблизительно одинаково. Это «чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом» [15, с. 741]. В психологическом значении совесть — это «...способность личности самостоятельно формулировать собственные нравственные обязанности, осуществлять нравственный самоконтроль, требовать от себя их выполнения и производить самооценку совершаемых поступков» [25, с. 547]. В первом случае на первый план выходит сфера чувств, во втором — способность. Отсюда вытекает вопрос о формировании необходимых профессионально значимых качеств личности юристов, навыков и умений (если уж речь идет о способностях), требуемых при принятии решений.

Увидеть проблемы, входящие в юридическую психологию, можно и на сопоставлении ушедших и вновь введенных понятий. На примере той же совести мы видим, что из нормы о свободе оценки доказательств был убран такой критерий, как «социалистическое правосознание». Редакция нормы в данной части представляет интерес в связи с изучением в рамках раздела правовой психологии категории «правосознание», которая была исключена из ст. 17 УПК РФ вместе с категорией «социалистическое правосознание». Между тем именно правосознание является одним из важных критериев принятия правовых решений. Например, из теоретических основ государства и права следует, что сущность правосознания юристов конкретизируются в содержании правовой идеологии. «Правовые идеи, взгляды, представления, будучи оформленными в правовые концепции, теории, способны радикально повлиять как на действующее право, так и на практику его реализации в плане кардинального изменения», — отмечал Н.А. Пьянов [20, с. 502]. В этой связи на первый план выносятся дискуссия о надежности критериев оценки доказательств, а именно о том, какой критерий более объективен: совесть или правосознание.

Таким образом, анализ категорий и понятий выводит на разные исследовательские направления, показывает различные уровни связей между правовыми и психологическими явлениями.

Важно отметить и то, что правовые категории и понятия, с которыми работает юридическая психология, находятся в ином иерархическом взаимодействии по сравнению с категориями и понятиями общей психологии: если для общей психологии какое-то понятие не носит статуса категории, то в юридической психологии вслед за юриспруденцией оно является категориальным.

Данное обстоятельство указывает на необходимость определения в понятии, с которым работает юридическая психология, двух уровней: категориального и понятийного. От этого будет зависеть место и значение самого понятия, его объектность (целое) или предметность (частное).

Например, понятие «интересы ребенка» в семейном праве носит уровень категории, поэтому оно прямо не подчинено общепсихологическому понятию «интерес», т. е. не выступает как предмет по отношению к объекту — интерес в общепсихологическом смысле. Инте-

рес в общей психологии понимается как «...форма проявления познавательной потребности, обеспечивающая направленность личности» [19, с. 146]. По своему содержательному смыслу данное понятие, заимствованное в психологии, не обеспечивает всех задач правосудия по охране прав несовершеннолетних. Поэтому юристы вкладывают в него свой собственный смысл, задают ему некую конвенциональность (смысловую ситуационную устойчивость). Кроме того, субъектом интереса является не сам его носитель (ребенок), а тот, кто его опекает. Такое разделение по объектности и предметности понятия является немаловажным в правоприменительной практике.

К примеру, в судебном процессе при рассмотрении семейных споров об определении места жительства несовершеннолетнего последний (начиная с 10 лет) может высказать свое мнение о том, с кем из родителей ему хотелось бы проживать. Между тем суд руководствуется не столько мнением несовершеннолетнего, как правило, связанным с его игровыми интересами, сколько со сложившимся юридическим пониманием категории «интересы ребенка».

В законе, к сожалению, не уточняется, что следует понимать под «интересами ребенка». П.В. Крашенинников считает, что «...интерес — это условия благополучия субъектов, реализация которых является целью правового регулирования» [23, с. 45]. С позиции семейного права, важна, в том числе, и материальная сторона обеспечения прав несовершеннолетних. По мнению К.Б. Зелинской, это предполагает «...обеспеченность едой, одеждой, необходимыми школьными принадлежностями; поддержание прежнего материального уровня жизни; наличие места постоянного проживания, соответствующего нормам, и т. д.» [6, с. 48].

Данный пример указывает на важность понимания соподчиненности психологических категорий и понятий категориям правовым. Это же обстоятельство создает правило необходимости понимания юридического значения понятий теми психологами, которых привлекают к практике правоприменения в качестве экспертов или специалистов.

Учитывая тесные связи юридической психологии с правом, ее категориально-понятийный аппарат, таким образом, специфичен. Однако получить исчерпывающую информацию об этой специфике на сегодняшний день не представляется возможным в связи с немногочисленностью публикаций по данному вопросу. Лишь в некоторых источниках мы находим отдельные обобщения тенденции формирования понятийного аппарата юридической психологии, его механизмы, структуру и особенности.

Так, ряд исследователей (М.С. Андрианов, М.В. Кроз, Н.А. Ратинова, О.Д. Ситковская), характеризуя категориально-понятийный аппарат юридической психологии, отмечают, что перечень категорий, которые юридическая психология восприняла из общей психологии, имеет «двухступенчатую» структуру. Первую ступень составляют базовые понятия, к которым относятся: личность, психика, деятельность. Вторую ступень занимают понятия также имеющие категориальное значение, но производные от первых. Например, категория «личность» используется как целостность, либо раскрывается посредством категорий второго ряда, как свойства, состояния, мотив, цель; категория «психика» — через психические процессы и закономерности; категория «деятельность» — через поведение, действие (акт поведения) [26, с. 11—13]. Кроме того, О.Д. Ситковская в своих работах показывает, каким образом происходит процесс адаптации (конкретизации) и конструирование некоторых производных понятий, отсутствующих в общей психологии, но выводимых, в конечном счете, с учетом ее общих положений [22, с. 333—337].

Важно заметить, что формирование понятийного аппарата юридической психологии включает широкое использование дихотомий. Это связано с тем, что в соответствии с потребностями законодателя и правоприменителя приходится анализировать ситуации, связан-

ные с исследованием рядоположенных психических процессов, состояний, свойств, имеющих противоположный знак. Например, критичность—некритичность личности, рационализм—легкомыслие, сострадание—жестокость и пр. [18, с. 102].

Вместе тем следует заметить, что всякая дихотомия имеет существенный недостаток: при делении объема понятия каждый раз остается неопределенной та его часть, к которой относится частица «не». Вторая группа (с частицей «не») остается, как правило, неясной. Например, если мы применяем дихотомию и в качестве зеркального отражения для термина «сострадание» используем «несострадание», то вряд ли сможем получить в качестве синонима по содержанию к понятию «несострадание» понятие «жестокость». В связи с этим, по нашему мнению, целесообразней в качестве альтернативы дихотомическому подходу предложить диалектический метод анализа противоположностей.

Между тем диалектический метод, по праву считающийся наиболее точным, одновременно представляет собой один из самых сложных методов познания. На поиск диалектических противоположностей тех или иных явлений уходят годы научных исследований.

Так, Н.Е. Веракса отмечает, что диалектические противоположности обладают двумя главными свойствами: 1) противоположностей всегда две, т. е. наличие одной из них предполагает наличие другой; 2) они исключают друг друга [4, с. 71]. Не дихотомическая связь («высший» и «низший», «культурный» и «некультурный», «жестокый» и «нежестокый») является диалектической парой, а не существующие друг без друга объекты, явления, процессы, одновременно исключаящие друг друга.

Чтобы понимать, идет ли речь о диалектическом единстве и борьбе противоположностей или о формально-логической операции понятий, важно, как отмечал И.А. Ильин, обнаружить общий родовый источник пары противоположностей и исключить логическое отрицание этих противоположностей. «Два контрадикторных понятия «бытие» и «небытие» не имеют для своих содержаний родового понятия, ибо у них отсутствует корпус общих «признаков». Точно также «жизнь» и «не жизнь», «семья» и «не семья» — это не диалектические пары. Но «явление» и «сущность», «жизнь» и «познание», «сознание» и «самосознание», «право» и «мораль», «семья» и «гражданское общество» — такие двойцы не связаны контрадикторным отрицанием и вполне могут иметь родовое лоно» [7, с. 124].

Применительно к юридической психологии может ли, например, общество составить диалектическую противоположность человеку, совершившему преступление, так, чтобы стремиться с ним к единству? Это вопрос о диалектической сущности понятия «личность преступника». Как только стоит задуматься над этим с диалектических позиций, возникает немало сложностей, требующих поиска противоположностей.

Исходя из диалектических законов, личность преступника определяется как лицо, совершившее преступление, в котором проявилась его антиобщественная направленность. Поскольку личность — есть отражение общества в человеке, то личность преступника — есть отражение такого свойства общества в человеке, которое определяется как антиобщественное. Из этого следует, что личность преступника — есть отраженная в человеке антиобщественная сущность самого общества. В таком случае общество имеет в себе свои собственные внутренние противоречия, являющиеся источником появления такого явления, как личность преступника.

Помимо перечисленных аспектов (особенностей) категориально-понятийного аппарата юридической психологии, важно обратить внимание и на то, что в нем имеются так называемые «экспертные понятия», выработанные на основе практики применения специальных знаний в судебной практике [21, с. 40].

Например, психолог, участвующий в уголовном или гражданском судопроизводстве в качестве эксперта, не может непосредственно переносить общепсихологические представления о психических явлениях в правоохранительную практику. Для этого необходимо трансформировать знания общей психологии в судебно-экспертную практику, выделить так называемые «экспертные понятия».

Предложение выделить экспертные понятия в рамках теории судебно-психологической экспертизы впервые прозвучало в работах А.С. Голева и А.Н. Лавриновича. Затем данное направление получило развитие в трудах М.М. Коченова, И.А. Кудрявцева, О.Д. Ситковской и др. [14, с. 364].

Экспертные понятия занимают как бы промежуточное положение между общепсихологическими и юридическими терминами. Они не заимствуются в неизменном виде из общей психологии, поскольку связь судебно-психологической экспертизы с «материнской» наукой психологией всегда опосредованная. Это обусловлено тем, что общепсихологические понятия не содержат информации об их юридической значимости, а именно о том, какие правовые последствия могут иметь место в результате их диагностики [21, с. 112—113]. В этой связи Л. В. Алексеева справедливо замечает, что кроме решения экспертом проблемы диагностики, например, эмоционального состояния у обвиняемого, необходимо также указать на существенность влияния данного состояния на сознание и проявление волевых свойств поведения [14, с. 365].

В то же время экспертные понятия не могут быть признаны полностью юридическими, поскольку они носят междисциплинарный характер. Как отмечал М.М. Коченов, теория судебно-психологической экспертизы работает с психологическим содержанием юридических понятий, описывающих поведение людей, вовлеченных в сферу уголовного или гражданского судопроизводства, и фиксирующих психические состояния, изменения сознания под влиянием различных факторов. Они выступают в качестве юридических критериев, которые, являясь уголовно-правовыми нормами, сформулированы в психологических понятиях, раскрывающих наиболее интегративные и обобщенные особенности отражения окружающего мира и психической регуляции поведения [11, с. 6]. Из этого следует, что юридическое значение имеют не диагностируемые психологом общепсихологические явления, а экспертные понятия.

Тесным образом с вопросом о категориально-понятийном аппарате юридической психологии связана проблема терминологической грамотности юристов в сфере психологических знаний. Очевидно, что юридическая психология, как любая другая специальная область знаний, наряду с общеизвестными терминами, оперирует сложными, многогранными и достаточно часто специфическими понятиями, которые выражаются соответствующей терминологией. «Грамотность и умение пользоваться данной лексикой, — отмечает М.И. Еникеев, — далеко немаловажный фактор, поскольку именно это является важным инструментом для формирования научных концепций, теорий, законов» [5, с. 12, 19—21].

По результатам исследований, проведенных Я.Н. Келер и А.Г. Мироновой, уровень терминологической грамотности в сфере юридической психологии студентов юридических факультетов, обучающихся по направлениям бакалавриата и магистратуры, составил лишь чуть более 50%. В 41—46% случаев при обращении к психологическим терминам будущие юристы испытывали трудности в их понимании и применении в профессиональной деятельности. Из этого следует, отмечают авторы, что «... будущие юристы не смогут (или будут испытывать трудности) предметно применять данный терминологический потенциал» [9,

с. 154—155] на практике при назначении судебных экспертиз, оценке доказательств, квалификации ряда составов преступлений и проч.

К нововведениям в категориально-понятийном аппарате юридической психологии можно отнести такие понятия, как «интернет-груминг», «интернет-троллинг», «криминальное мышление», «когнитивное интервью», «дружественное правосудие», «родительство» и др. Для того чтобы адаптировать психологические понятия к правовым целям, так сказать трансформировать их, важно уяснить некоторые закономерности юридического мышления.

По мнению В.П. Малахова, юридическое мышление имеет ряд специфических особенностей. Например, в отличие от научного познания, юридическое мышление не ставит перед собой цель выявить какие-либо закономерности. В юридическом мышлении существует некоторый заданный понятийный и нормативный смысловой шаблон (каркас), в котором узнаются и становятся обозримы явления, обстоятельства, факты или нормативные акты в качестве правовых. Юридические категории и понятия как бы «прикладываются» к окружающей реальности, и эта реальность как бы «узнается» в юридически заданных смыслах и понятиях. Знания, образуемые юридическим мышлением, уже заложены в исходных понятиях, нормах и принципах. Оценка явлений с позиции юридического мышления представляет собой конкретизацию юридических понятий.

Также В.П. Малахов отмечает, что терминологическая основа юридического мышления тесно связана с таким его свойством, как конвенциональность. Конвенциональное мышление — это такое мышление, которое, во-первых, указывает на условность понятийного аппарата и нормативных высказываний. Во-вторых, это значит, что юридическое мышление ориентировано в большей степени на формальные принципы отражения своей предметной области, нежели на содержательную сторону познания. Поэтому развитие юридического мышления осуществляется в значительной мере за счет принципов его внутренней организации и собственного логического движения и не зависит от объективного содержания явлений социальной реальности. Юридическая мысль как бы «привносит» правовой момент в действительность, а не «открывает» его там. В этом смысле юридическое мышление в определенном смысле самодостаточно [13, с. 58—60].

Важно отметить, что юридическая психология еще не подходила вплотную к познанию специфики юридического мышления, чтобы вскрыть закономерности формирования понятийного аппарата своей междисциплинарной отрасли знания и ограничивалась обобщенными характеристиками юридического мышления. Например, в учебниках по юридической психологии отмечается, что из общих свойств мышления юриста можно отметить следующие: быстрота, глубина, широта, гибкость и др. [24, с. 148—150]. Вместе с тем эти, несомненно, важные знания, на наш взгляд, недостаточны для того, чтобы ответить на вопрос о междисциплинарном синтезе понятий психологии и права, через который образуется категориально-понятийный аппарат юридической психологии.

Характеризуя категориально-понятийный аппарат юридической психологии, М.В. Костицкий, в частности, отмечал, что в него кроме правовых включено немало категорий и понятий философского и общенаучного уровней. К их числу он относит: «отражение, образ, деятельность, мотив, общение, личность, сознание, развитие, активность» [10, с. 133].

Из этого следует, что познание юридической психологии студентами юридических факультетов подразумевает априорное знание общенаучных категорий. В противном случае их изучение в рамках юридической психологии превратилось бы в изучение основ философии и общей психологии. Обращение к общенаучным и общепсихологическим категориям подразумевает только напоминание о них, использование их в качестве опоры, позволяющей дви-

гаться в познавательном процессе дальше. Само же «развертывание» категории должно остаться задачей той науки, которая ее выработало на основе изучения своего предмета. Открытие и привнесение отдельными отраслями наук новых знаний об общенаучных явлениях (личность, сознание, поведение и т. д.) служит обратной связью с «материнскими» науками, вбирающими в свою систему знаний обнаруженные закономерности и признаки определяемого категорией явления, через которые происходит дальнейшая шлифовка категории, ее развитие [2, с. 23–24].

Итак, исследуя теоретико-прикладные аспекты категориально-понятийного аппарата юридической психологии, приходим к выводам о том, что он, хотя и основывается на категориальном аппарате общей психологии, но действует с правовыми категориями и понятиями, опираясь на смыслы, которые вкладывает в них законодатель, включая толкования высших судебных инстанций (Конституционного и Верховного судов Российской Федерации). В связи с этим влияние психологических понятий на правовые, выраженное в отражении психологических закономерностей и механизмов правовых явлений, становится трудоемким и долгим процессом, поскольку правовые понятия не ставят цель отражения истинного устройства мира. В этой связи для юридических психологов возникает вполне закономерная дилемма — принять позицию прикладного звена в отношениях с правоприменительной практической на уровне «заказа» либо отстаивать истинно научные позиции в диалектическом взаимодействии с правовой теорией и практикой.

Литература

1. Алексеев С.С. Линия права. М.: Статут, 2008. 461 с.
2. Балин В.Д. Теоретическая психология: Учебное пособие. М.: Юрайт, 2017. 247 с.
3. Барихин А.Б. Большой юридический словарь. М.: Книжный мир, 2000. 720 с.
4. Веракса Н.Е. Понятия нормативной ситуации в психологии личности (структурно-диалектический подход) // Педагогический журнал Башкортостана. 2006. № 2 (2). С. 39–59.
5. Еникеев М.И. Юридическая психология. С основами общей и социальной психологии: Учебник. М.: Норма, 2005. 640 с.
6. Зелинская К.Б. Защита имущественных прав ребенка при расторжении брака родителей и разделе имущества // Современные проблемы юриспруденции: Сборник научных трудов магистрантов и аспирантов. Вып. 1 / сост. М.С. Сагандыков. Челябинск: Южно-Уральский государственный университет, 2017. С. 48–50.
7. Ильин И.А. Диалектика. Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека: В 2 т. Т. 1. СПб: Наука, 1994. 541 с.
8. Ильина В.А. К вопросу о предмете юридической психологии [Электронный ресурс] // Психология и право. 2018. Том 8. № 2. С. 89–100. doi:10.17759/psylaw.2018080207
9. Келер Я.Н., Миронов А.Г. Терминологическая грамотность в сфере юридической психологии // Инновационные тенденции развития российской науки: Материалы XI Международной научно-практической конференция молодых ученых, Красноярск, 10–11 апреля 2018 года. Часть II. Красноярск: Красноярский государственный аграрный университет, 2018. С. 154–155.
10. Костицкий М.В. Введение в юридическую психологию: методологические и теоретические проблемы. Киев: Выща школа, 1990. 259 с.
11. Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: Автореф. дисс ... докт. психол. наук. М., 1991. 46 с.

12. Криминальная мотивация / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Наука, 1986. 304 с.
13. Малахов В.П. Логика: Учебно-методическое пособие. М., 1999. 109 с.
14. Медицинская и судебная психология. Курс лекций: Учебное пособие. 2-е изд., испр. / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М.: Генезис, 2005. 606 с.
15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 1999. 944 с.
16. Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: ИНФРА-М, 1998. 528 с.
17. Попондопуло В.Ф. Объект и предмет юридической науки // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2016. № 5 (328). С. 68–85.
18. Прикладная юридическая психология: Учебное пособие / под ред. А.М. Столяренко. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001. 639 с.
19. Психологический словарь / под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. 2-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1990. 494 с.
20. Пьянов Н.А. Консультации по теории государства и права: Учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. Иркутск: Издательство Иркутского государственного университета, 2008. 571 с.
21. Сафуанов Ф.С. Судебно-психологическая экспертиза в уголовном процессе: Научно-практическое пособие. М.: Гардарика; Смысл, 1998. 192 с.
22. Ситковская О.Д. Методология юридической психологии // Библиотека криминалиста. 2013. № 3 (8). С. 333–337.
23. Судебная практика по семейным спорам. 2-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. П.В. Крашенинников. М.: Статус, 2008. 651 с.
24. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология: Учебное пособие. М.: Право и закон, 1997. 320 с.
25. Шапарь В.Б. Словарь практического психолога. М.: АСТ; Харьков: Торсинг, 2005. 734 с.
26. Юридическая психология: Учебник / под науч. ред. О.Д. Ситковской. М.: Юрлитинформ, 2011. 469 с.

References

1. Alekseev S.S. Liniya prava. Moscow: Statut, 2008. 461 p. (In Russ.).
2. Balin V.D. Teoreticheskaya psikhologiya: Uchebnoe posobie. Moscow: Yurait, 2017. 247 p. (In Russ.).
3. Barikhin A.B. Bol'shoi yuridicheskii slovar'. Moscow: Knizhnyi mir, 2000. 720 p. (In Russ.).
4. Veraksa N.E. Ponyatiya normativnoi situatsii v psikhologii lichnosti (strukturno-dialekticheskii podkhod) [Concept of normative situation in the psychology of personality (structurally dialectic approach)]. *Pedagogicheskii zhurnal Bashkortostana = Pedagogical Journal of Bashkortostan*, 2006, no. 2 (2), pp. 39–59. (In Russ.).
5. Enikeev M.I. Yuridicheskaya psikhologiya. S osnovami obshchei i sotsial'noi psikhologii: Uchebnik. Moscow: Norma, 2005. 640 p. (In Russ.).
6. Zelinskaya K.B. Zashchita imushchestvennykh prav rebenka pri rastorzhenii braka roditelei i razdele imushchestva. In Sagandykov M.S. (ed.). *Sovremennye problemy yurisprudentsii: Sbornik nauchnykh trudov magistrantov i aspirantov*. Vyp. 1. Chelyabinsk: Yuzhno-Ural'skii gosudarstvennyi universitet Publ., 2017, pp. 48–50. (In Russ.).
7. Ilyin I.A. Dialektika. Filosofiya Gegelya kak uchenie o konkretnosti Boga i cheloveka: V 2 t. T. 1. Saint Petersburg: Nauka, 1994. 541 p. (In Russ.).

8. Pyina V.A. K voprosu o predmete yuridicheskoi psikhologii [On the subject of legal psychology] [Elektronnyi resurs]. *Psikhologiya i pravo = Psychology and Law*, 2018. Vol. 8, no. 2, pp. 89–100. doi:10.17759/psylaw.2018080207 (In Russ.).
9. Keler Ya.N., Mironov A.G. Terminologicheskaya gramotnost' v sfere yuridicheskoi psikhologii [Terminological literacy of students in legal psychology]. *Innovatsionnye tendentsii razvitiya rossiiskoi nauki: Materialy XI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsiya molodykh uchennykh, Krasnoyarsk, 10–11 aprelya 2018 goda. Chast' II*. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii gosudarstvennyi agrarnyi universitet Publ., 2018, pp. 154–155. (In Russ.).
10. Kostitsky M.V. Vvedenie v yuridicheskuyu psikhologiyu: metodologicheskie i teoreticheskie problemy. Kiev: Vyshcha shkola, 1990. 259 p. (In Russ.).
11. Kochenov M.M. Teoreticheskie osnovy sudebno-psikhologicheskoi ekspertizy: Avtoref. diss dokt. psikhol. nauk. M., 1991. 46 p. (In Russ.).
12. Kudryavtsev V.N. (ed.). Kriminal'naya motivatsiya. Moscow: Nauka, 1986. 304 p. (In Russ.).
13. Malakhov V.P. Logika: Uchebno-metodicheskoe posobie. Moscow, 1999. 109 p. (In Russ.).
14. Dmitrieva T.B., Safuanov F.S. (eds.). Meditsinskaya i sudebnaya psikhologiya. Kurs lektsii: Uchebnoe posobie. 2nd ed. Moscow: Genezis, 2005. 606 p. (In Russ.).
15. Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Tolkovyi slovar' russkogo yazyka: 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazhenii. 4th ed. Moscow: Azbukovnik, 1999. 944 p. (In Russ.).
16. Petrovsky A.V., Yaroshevsky M.G. Osnovy teoreticheskoi psikhologii. Moscow: INFRA-M, 1998. 528 p. (In Russ.).
17. Popondopulo V.F. Ob'ekt i predmet yuridicheskoi nauki [The object and subject of the legal science]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2016, no. 5 (328), pp. 68–85. (In Russ.).
18. Stolyarenko A.M. (ed.). Prikladnaya yuridicheskaya psikhologiya: Uchebnoe posobie. Moscow: YuNITI-DANA, 2001. 639 p. (In Russ.).
19. Petrovsky A.V., Yaroshevsky M.G. (eds.). Psikhologicheskii slovar'. 2nd ed. Moscow: Politizdat, 1990. 494 p. (In Russ.).
20. Pyanov N.A. Konsul'tatsii po teorii gosudarstva i prava: Uchebnoe posobie. 2nd ed. Irkutsk: Izdatel'stvo Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta, 2008. 571 p. (In Russ.).
21. Safuanov F.S. Sudebno-psikhologicheskaya ekspertiza v ugovnom protsesse: Nauchno-prakticheskoe posobie. Moscow: Gardarika; Smysl, 1998. 192 p. (In Russ.).
22. Sitkovskaya O.D. Metodologiya yuridicheskoi psikhologii [Methodology of legal psychology]. *Biblioteka kriminalista = Criminalist's Library*, 2013, no. 3 (8), pp. 333–337. (In Russ.).
23. Krashennnikov P.V. (ed.). Sudebnaya praktika po semeinyim sporam. 2nd ed. Moscow: Status, 2008. 651 p. (In Russ.).
24. Chufarovskiy Yu.V. Yuridicheskaya psikhologiya: Uchebnoe posobie. Moscow: Pravo i zakon, 1997. 320 p. (In Russ.).
25. Shapar' V.B. Slovar' prakticheskogo psikhologa. Moscow: AST; Kharkiv: Torsing, 2005. 734 p. (In Russ.).
26. Sitkovskaya O.D. (ed.). Yuridicheskaya psikhologiya: Uchebnik. Moscow: Yurlitinform, 2011. 469 p. (In Russ.).

Информация об авторах

Балин Виктор Дмитриевич, доктор психологических наук, профессор, профессор, кафедра медицинской психологии и психофизиологии, факультет психологии, Санкт-Петербургский

Балин В.Д., Ильина В.А.
Теоретико-прикладные аспекты категориально-
понятийного аппарата юридической психологии
Психология и право. 2023. Том 13. № 2. С. 70–81.

Balin V.D., Ilyina V.A.
Theoretical and Applied Aspects of the Categorical
and Conceptual Apparatus of Legal Psychology
Psychology and Law. 2023. Vol. 13, no. 2, pp. 70–81.

государственный университет (ФГБОУ ВО СПбГУ), г. Санкт-Петербург, Российская Феде-
рация, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3876-9854>, e-mail: viktorbalin@yandex.ru

Ильина Валентина Анатольевна, кандидат психологических наук, доцент, доцент, кафедра
организации и методики уголовного преследования, Иркутский юридический институт (фи-
лиал), Университет прокуратуры Российской Федерации (ФГКОУ ВО УП РФ), г. Иркутск,
Российская Федерация, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6492-3678>, e-mail: avapeter@mail.ru

Information about the authors

Viktor D. Balin, Doctor of Psychology, Professor, Professor, Department of Medical Psychology
and Psychophysiology, Faculty of Psychology, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg,
Russia, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3876-9854>, e-mail: viktorbalin@yandex.ru

Valentina A. Ilyina, PhD in Psychology, Docent, Associate Professor, Department of Organization
and Methods of Criminal Prosecution, Irkutsk Law Institute (Branch), University of the Prosecu-
tor's Office of the Russian Federation, Irkutsk, Russia, ORCID: <http://orcid.org/0000-0002-6492-3678>, e-mail: avapeter@mail.ru

Получена 14.03.2022
Принята в печать 14.02.2023

Received 14.03.2022
Accepted 14.02.2023